

Вероника Шаповалова

О ДЕМОНОЛОГИИ «УЕДИНЕННОГО ДОМИКА НА ВАСИЛЬЕВСКОМ»: ПУШКИН, БАЙРОН И ПОЛИДОРИ

"Уединенный домик на Васильевском", повесть, рассказанная Пушкиным в салоне Софьи Карамзиной и записанная Владимиром Титовым, всегда вызывала интерес пушкинистов.¹ Однако до сегодняшнего дня демонология не обращала на себя внимания и не рассматривалась как решающий компонент, который позволяет не только дать новое прочтение всей повести, но и поставить ее в контекст европейской культуры.

Обычно главный герой повести, Варфоломей, рассматривается как дьявол в самых обычных его обличьях, черт или бес. Действительно, Анна Петровна Керн, присутствовавшая во время рассказа в салоне Карамзиной, в своих мемуарах писала: "Он, [Пушкин] собравши нас в кружок, рассказал сказку про черта, который ездил на извозчике на Васильевский остров".² Позднее Андрей Дельвиг повторил эти же слова: "[Пушкин] рассказал всю эту чертовщину к тайному трепету всех дам".³ В тексте самой повести герой не назван "бесом" или "чертом". Фраза "влюбленный бес", взятая из черновиков Пушкина, употреблялась по отношению к Варфоломею только литературоведами, которые рассматривали "Уединенный домик на Васильевском" в контексте всего пушкинского творчества. Нет никаких сомнений в том, что Варфоломей – одно из воплощений дьявола. Однако связанные с ним темы и литературные мотивы – полное подчинение воли и сопряженный с этим духовный ужас, неизбежная медленная смерть жертв Варфоломея, темы двойника и бессмертия зла – прямо указывают на одно конкретное воплощение дьявола – вампира.

Миф о вампире нашел широкое отражение в литературе европейского романтизма. Джеймс Твйтчел, исследовавший эту тему, дал следующее определение вампира: "Vampire is the devil's avatar, for although human body is literary dead, the entrapped soul lives eternally under devil's control... The vampire never wantonly destroys – in fact, his initial victims are preordained. The initial victims are friends (or family) who, of course, recognized the vampire as one who is either loved or trusted."⁴ Обратимся к пушкинской повести. Варфоломей, войдя в доверие к Вериной матери, пользуется правами не

только близкого друга семьи, но и жениха Веры (хотя о помолвке нигде не упоминается). Несомненно Вера привлекает Варфоломея, но правомерно ли считать это чувство влюбленностью и рассматривать Варфоломея как "влюбленного беса"? Шеридан Ле Фану в повести "Кармилла" так описывал чувства вампира к своим жертвам: "...vampire is prone to be fascinated with engrossing vehemence resembling the passion of love."⁵ Неизвестно, как Варфоломей узнал о существовании Веры. Пушкин упоминает, что Варфоломей видел ее дважды прежде, чем они были представлены друг другу. Варфоломей почти силой заставляет Павла познакомиться его с Верой и вскоре после знакомства становится незамеченным в доме Вериной матери. Пушкин не говорит ни о мотивах, побудивших Варфоломея искать знакомства с Верой, ни о любви Варфоломея к Вере. Только один раз, в сцене смерти Вериной матери, Варфоломей проявляет свои чувства, но и тогда он не говорит о своей любви, а заставляет Веру признаться в беззаветной любви к нему. В этот момент он почти страстен, но его чувство – скорее сочетание желания соблазнить и терроризировать. "Варфоломей заступил ей дорогу и сказал с притворною холодностью и с глазами свирепыми:... никакая сила тебя не защитит от моей власти."⁶

Миф о вампирах говорит о том, что вампиры не сразу умерщвляют свои жертвы: они медленно высасывают из них жизнь. Жертвы становятся слабее, но все это время вампир еще не полностью владеет их телами и душами. В большинстве случаев, для жертвы вампира нет спасения. В "Уединенном домике на Васильевском" Вера – традиционная жертва вампира: она молода, привлекательна и невинна. Попав под влияние Варфоломея, она меняется и действует как будто под гипнозом. "Вера казалась в страшных суетах и развлечении; Павла приняла с необычайной холодностью... Все это разумеется было странно". (9, 518) В отношениях Веры и Варфоломея присутствует даже традиционный "поцелуй смерти" вампира, поцелуй, который предшествует катастрофе и в конечном счете ведет к Вериной смерти. Вера медленно угасает и "никакое врачество не могло возвратить ей ни веселости, ни здоровья". (9, 539) После исчезновения Варфоломея она живет в ожидании смерти, и все ее мысли связаны либо со спасением, либо с вечным проклятием. Вера знает, что ее душа и тело принадлежат Варфоломею и отказывается выйти замуж за Павла: "...я отцвела мой век, скоро примет меня могила". (9, 538)

Павел, как и Вера, тоже жертва вампира. Варфоломей исполняет роль учителя и руководителя Павла в свете – он полностью контролирует все поступки Павла. Павел находится и в материальной и в моральной зависимости от Варфоломея. Потеряв волю, Павел "совершенно покорился

влиянию избранного им друга". (9, 511) Отношения с Варфоломеем навсегда лишают Павла сил и энергии. Тело его – только внешняя оболочка для души, которая принадлежит дьяволу, в данном случае – вампиру. Таким образом, Павел становится посредником или двойником Варфоломея. Вот почему он подписывает бумаги "чужой, странной подписью". (9, 539) Так как соседи по имению, крестьяне и слуги никогда не видели его с того дня как он переехал к себе в поместье, остается загадкой действительно ли он никогда не выходил из своего кабинета, или, став двойником Варфоломея, скитался по всему свету.

Как все вампиры Варфоломей обладает зачаровывающим, гипнотизирующим взглядом: "Варфоломей безмолвствовал, уставив на большую глаза, которые, когда лампада роняла на них свое мерцание, светились как уголья". (9, 533) Своим взглядом он заставляет Павла беспрекословно повиноваться ему, "бросая на него тот взгляд, который имел неодолимое действие". (9, 512) Верина мать даже после смерти повинуется взгляду Варфоломея: она поднимается из гроба под действием его магического взгляда. Вампиры боятся всех символов христианской веры – креста, иконы, молитвы. Слова "Бог" или "Христос" служат надежным щитом от вампиров и заставляют их отступить. В "Уединенном домике на Васильевском" Варфоломей не только никогда не заходит в церковь, но при упоминании имени Бога он всегда дрожит и даже теряет способность говорить.

Пушкинский рассказ в салоне Карамзиной несомненно является импровизацией. Возникает вопрос, что явилось основой и послужило толчком для рассказа о вампире на Васильевском острове? Хорошо известен интерес Пушкина в 1820е годы к образу дьявола, который появляется в его произведениях как Мефистофель, Демон, Сатана.⁷ По замечанию В. Лакшина поэт шел "от безумного восхищения перед демонической силой к осознанию ее как зла".⁸ Вампир – одна из масок дьявола. Скорее всего источником пушкинского рассказа о вампире была повесть Полидори "Вампир" (1819). Одно время авторство повести приписывали Байрону, чье имя принесло ей популярность. Пушкин читал повесть Полидори во французском переводе.⁹ Вампир упоминается в "Евгении Онегине": "и стал ее теперь кумир или задумчивый Вампир..." (5, 60). Пушкин был хорошо знаком не только с самой повестью, но и с полемикой вокруг ее авторства: в примечаниях к "Евгению Онегину" Пушкин пишет "повесть неправильно приписанная Байрону". (5, 194) Интерес к Байрону не оставляет Пушкина: в "Северных цветах" на 1828 год Пушкин помещает свои заметки о Байроне в России. В конце 1820х годов имена Байрона и Полидори возникли как тема разговоров в московских и петербургских литературных салонах в

связи с пребыванием в России Клер Клермонт.¹⁰ Клер Клермонт – сестра Мэри Шелли и мать дочери Байрона Аллегры, хорошо знавшая Полидори, присутствовала во время известного литературного состязания на вилле Диодати, где и был создан "Вампир". Петр Киреевский, первый переводчик "Вампира", в предисловии к русскому изданию повести связывал литературное состязание на вилле Диодати с именем Екатерины Яковлевны Мусиной-Пушкиной-Брюс, в чьем доме Байрон, Полидори и Мэри Шелли рассказывали фантастические истории, которые позднее легли в основу "Вампира" и "Франкенштейна". М.В. Алексеев в своей работе "Русско-английские литературные связи" прямо указывает на устный источник информации Киреевского, что свидетельствует о том, что и повести и их создатели были предметами разговоров и обсуждений.¹¹

Можно провести много параллелей между пушкинским "Уединенным домиком на Васильевском" и повестью Полидори "Вампир". Главный герой "Вампира" – Лорд Рутвен, таинственный аристократ, который опекает в свете молодого человека по имени Обри. Отношения пушкинских героев – Павла и Варфоломея во многом напоминают отношения Лорда Рутвена и Обри. Подобно Рутвену, Варфоломей обладает знакомствами и связями в высшем свете. Как Лорд Рутвен, так и Варфоломей увлекаются карточной игрой. Лорд Рутвен "with apparent eagerness sought for centers of all fashionable vice".¹² Варфоломея также привлекали "картежная игра, увеселения, ночные прогулки". (9, 609) Внешность Варфоломея во многом напоминает Лорда Рутвена, "In spite of the deadly hue of his face which never gained a warmer tint, either from the blush of modesty... its form and outline were beautiful" (Polidori, 15). У Пушкина: "Варфоломей был статен, имел лицо правильное, но это лицо не выражало души подобно зеркалу, а подобно личине скрывало все ее движения". (9, 513–514) Вампиры обладают огромной физической силой. При столкновении с вампиром Обри "felt himself grapped by one whose strenth seemed superhuman... he was lifted from his feet and hurled with enormous force to the ground". (Polidori, 29–30) В пушкинской повести Павел также сталкивается с нечеловеческой силой Варфоломея: "у него дух занялся: удар без всякой боли на миг привел его в беспамятство". (9, 521) Как Обри, так и Павел знают тайну вампира. Это знание запретного делает их безумными в глазах непосвященных в эту тайну. В безумии они не находят забвения, наоборот, их постоянно преследуют воспоминания о вампире.

И, наконец, еще одна достаточно интересная параллель. В повести Полидори последней жертвой Лорда Рутвена становится сестра Обри. Лорд Рутвен делает ей предложение и женится на ней. В "Уединенном

домике на Васильевском" родственные отношения Веры и Павла упоминаются несколько раз. "Павел звал Веру сестрицею", "он любил ее любовью братскою", "она оказывала ему сестрину доверчивость". (9, 509, 519, 538) В отличие от повести Полидори родственные отношения Веры и Павла не играют никакой роли в развитии сюжета. Более того, Павел собирается жениться на Вере, но намерения его так и не сбываются. Самый факт, что Пушкин в своей импровизации несколько раз упомянул отношения брат/сестра еще раз указывает на повесть Полидори как на источник "Уединенного домика на Васильевском".

Повесть Полидори "Вампир" раскрывает еще одну грань пушкинского "Уединенного домика на Васильевском". Как уже говорилось выше, у широкого читателя повесть ассоциировалась с именем Байрона. Например, в 1827 году в "Московском телеграфе" были опубликованы мемуары Ж. Кульмана (Coulemann) "Отрывок из путешествия в Италию. Свидание с Байроном в Генуе", в которых он прямо называет Байрона автором "Вампира".¹³ Рассказы о Байроне, о литературном состязании на вилле Диодати, в результате которого был написан "Вампир", были хорошо известны читающей публике. Во многих из этих рассказов Байрон действует как байронический герой или как демонический герой готического романа. Так, в воспоминаниях Флетчера, напечатанных в "Московском телеграфе" в 1825 году, Байрон предстает как герой готического романа, который говорит: "Если ты не исполнишь моих приказаний, я из могилы буду тревожить тебя".¹⁴ Очевидно, что многие отождествляли Байрона с его героями. Об этом писал и Пушкин. "Он представил нам призрак себя самого. Он создал себя вторично, то под чалмою ренегата, то в плаще корсара, то гяуром..." (7, 52) Более того, в письме Плетневу (1825) Пушкин пишет: "Он байронничает, описывает себя самого". (10, 195) Таким образом, Вампир по ассоциации с именем Байрона, тоже рассматривался как байронический герой. В связи с этим интересен тот факт, что в библиотеке Пушкина была и книга "Гленарвон" – известный роман Каролины Лэм, где Байрон выведен под именем лорда Рутвена – одноименного героя повести Полидори.¹⁵ Пушкинский "Уединенный домик на Васильевском" насыщен байроническими мотивами и ассоциациями. Так, в салоне графини И. Павел и Варфоломей встречают хромого человека, друга графини, который тщетно пытается скрыть свой недостаток. Павел называет его "косоногим". Хорошо известно, что Байрон хромотой и также старался скрыть этот дефект. Именно об этом писал Пушкин: "Самый его физический недостаток усиливал в нем желание отличиться..." (7, 322) В салоне графини И. черти, играющие в карты, носят широкие шаровары, скрывающие их копыта. Эта деталь могла появиться в повести также по

ассоциации с Байроном, который "носил узкий черный фрак и широкие панталоны".¹⁶ После пожара на Васильевском острове Варфоломей бесследно исчезает из Петербурга. Все поиски его напрасны. Интересно предположение о возможном пути исчезновения из Петербурга: "тихонько отплыть на иностранном корабле в чужие края". (9, 537–538) Известно, что Байрон отплыл в Грецию в 1823 году ("в чужие края") на иностранном корабле.

Зная, что действие повести Полидори происходит в Греции, можно предположить, что необычное имя героя повести Варфоломей появилось в "Уединенном домике" также по ассоциации с Байроном и Грецией. Пушкинское увлечение Байроном и Грецией достигает своего апогея в годы Кишиневской ссылки.¹⁷ Имя Варфоломей могло возникнуть в устном рассказе по ассоциации с пребыванием Пушкина в Кишиневе в 1822–23 годах: среди кишиневских знакомых Пушкина был Иордаки Варфоломей, генеральный откупщик Бессарабии, в чьем доме Пушкин часто бывал.

"Уединенный домик на Васильевском" и главный его герой Варфоломей это и последняя дань байроническому герою, и одновременно полное его развенчание. В 1828 году байронический герой является для Пушкина воплощением абсолютного зла. Важно отметить, что сверхъестественные способности Варфоломея (как и его литературного предшественника Лорда Рутвена) не имеют решающего значения в повести. Варфоломей прибегает к ним в крайних случаях. Чаще он пользуется недостатками людей и играет на их слабостях, чтобы добиться своей цели. Пушкинский Варфоломей (как и Лорд Рутвен) разбивает судьбы и жизни всех, кто сталкивался с ним – Веры, ее матери, Павла.

Вампир в этом случае может рассматриваться как воплощение неистребимого и вечного зла. Варфоломей исчезает и никто не может найти его. Но вампиры бессмертны и могут принимать обличье любой из своих жертв. Так и Варфоломей под другим именем и с другим лицом мог продолжать жить в Петербурге, и, будучи неразличимым в обществе людей, искать новые жертвы, тем более в высшем обществе, которое представляет собой концентрацию зла – и графиня И., и ее гости принадлежат к демоническому миру. Как Варфоломей, так и Лорд Рутвен – аристократы, что дает им возможность появляться во всех слоях общества и облакает их еще большей властью. С бессмертием зла и с вечной жизнью вампира связана и загадка будущего. В повести Полидори темная тайна Лорда Рутвена связана с его прошлым и эта же тайна делает будущее еще более страшным. Тема страшного будущего продолжена в "Уединенном домике на Васильевском". Все герои повести так или иначе пытаются решить загадку будущего. Мать Веры часто гадает на

картах, пытаюсь увидеть будущее. Варфоломей, посмотрев в карты, утверждает, что "по ее способу раскладывания, нельзя узнать будущего, только прошедшее". (9, 514) В прошлом же у Вериной матери тоже тайна, от которой "холодный пот проступил на морщинах, волосы стали дыбиться под чепцом". (9, 514)

Павла мучают "мрачные предчувствия" о будущем. После поездки с привидением Павел не помнит прошлого, он думает только о пугающем будущем. Ужас, связанный с будущим, необъясним. Этот ужас не связан со смертью: герои повести не боятся смерти, наоборот, она кажется им желанной. Вера постоянно думает о смерти, в надежде, что смерть может быть принесет ей покой и забвение. Ужас скорее связан с бессмертием и вечной природой зла.

Говоря об источниках устного рассказа Пушкина, мы несомненно имеем дело только с литературными ассоциациями, мотивами, аллюзиями. Тем не менее догадки представляются вероятными, если учитывать настойчивый интерес Пушкина к Байрону и популярность Байрона в России, переходящую в легенды о поэте и его героях. Более того, основной мотив повести Полидори – "конфликт, возникающий из вторжения темных сил в человеческую жизнь"¹⁸ – был интересен Пушкину именно в конце 1820-х годов.

Вернулся ли Пушкин когда-нибудь к рассказу так щедро отданному им Титову? В "Пиковой даме", наиболее загадочной из пушкинских повестей, он возвращается к тем же героям – демонический герой (Варфоломей/Герман), старуха, умирающая ужасной смертью (мать Веры/графиня) и молодая героиня, чья жизнь драматически меняется после столкновения с демоническим героем. Мотив возможного спасения – евангельский мотив 11-го часа – очень четко прослеживается как в "Уединенном домике на Васильевском" так и в "Пиковой даме". Продолженные в "Пиковой даме" и темы власти во всех ее проявлениях, и обыденности зла.

Тема вампиризма, так широко представленная в европейской литературе на протяжении всего XIX века, не получила распространения в русской литературе. Тем интереснее связь пушкинского "Уединенного домика на Васильевском" с первой европейской повестью о вампире. Если рассматривать "Уединенный домик" в контексте всей западно-европейской литературы о вампирах, становится очевидным, что Пушкин развивает темы и мотивы лишь намеченные в повести Полидори. Так, например, в "Уединенном домике на Васильевском" отчетливо проходит тема соблазна и насилия, связанная с вампиром и его жертвой. Пушкин продолжает и тему двойника вампира. Эти темы станут наиболее яркими только в конце XIX века в романе Брэма Стокера

"Дракула". В русской литературе тема вампира, связанная с героем Полидори и с пушкинским "Уединенным домиком", появляется у Лермонтова в "Герое нашего времени", где Печорин признается: "Есть минуты, когда я понимаю Вампира".¹⁹ На связь Печорина с пушкинским Варфоломеем указывает и имя одной из угасающих жертв Печорина – Вера. На этом обрывается прямая связь русской литературы с повестью Полидори.²⁰ Вампир как романтический герой возродится только в литературе русского модернизма.

Примечания

- 1 Л.С. Осоват, "Влюбленный бес", Замысел и его трансформация в творчестве Пушкина 1821–1831, *Пушкин. Исследования и материалы*, т. 12, 1986; Т.Г. Цявловская, "Влюбленный бес" (Неосуществленный замысел Пушкина), *Пушкин. Исследования и материалы*, т. 3, Л., 1960; В.В. Виноградов, "Сюжет о влюбленном бесе в творчестве Пушкина и в повести Тита Космокротова (В.Н. Титова) "Уединенный домик на Васильевском", *Пушкин. Исследования и материалы*, т. 10, Л., 1982; Ю.Г. Оксман, "Может ли быть раскрыт пушкинский план «Влюбленного беса?»", *Атеней*, кн. 1–2, Л., 1924; В. Писная, "Фабула «Уединенного домика на Васильевском», *Пушкин и его современники*, вып. 31–32, Л., 1927; А.А. Ахматова, "Пушкин в 1828 году, Анна Ахматова", *О Пушкине. Статьи, заметки*, Л., 1977.
- 2 А.П. Керн, *Воспоминания*, Ленинград 1929, 253.
- 3 А.И. Дельвиг, *Полвека русской жизни*, т. 1, М., –Л. 1929, 85–86.
- 4 James V. Twitchel, *The Living Dead. A Study of the Vampire in the Romantic Literature*, Durham, NC, Duke University Press, 1981, 10.
- 5 Joseph Sheridan Le Fanu, "Carmilla", *The Best Ghost Stories of J.S. Le Fanu*, New York, 1964, 337.
- 6 А.С. Пушкин, *Полное собрание сочинений в десяти томах*, т. 10, М., 1958. (В дальнейшем все ссылки на произведения Пушкина даются в тексте).
- 7 См. Л.С. Осоват, "Влюбленный бес". Замысел и его трансформация в творчестве Пушкина 1821–1831", *Пушкин. Исследования и материалы*, т. 12, Л. 1986, 175–199.
- 8 В.Я. Лакшин, *Биография книги: Статьи, исследования, эссе*, М. 1979, 142.

- ⁹ Повесть Полидори "Вампир" была переведена на русский язык Петром Васильевичем Киреевским в 1828 году: "Вампир. Повесть рассказанная лордом Байроном. С приложением отрывка из одного неоконченного сочинения Байрона". Пушкин, вероятно, читал "Вампира" во французском переводе Г. Фабера, изданном в 1819 году (*Le Vampire, nouvelle trad. de l'anglais de lord Byron, par H. Faber. Paris, chez Chaumerot, jeune 1819*)
- ¹⁰ О Клер Клермонт в России см. "Московские дневники и письма Клер Клермонт", М.П. Алексеев, "Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века)", *Литературное наследство*, т. 91, Москва 1982, 469–573.
- ¹¹ См. М.П. Алексеев, *Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века)*, 541.
- ¹² J. Polidori, *The Vampyre*, Pasadena, California, 1968, 20. (Все дальнейшие ссылки на повесть Полидори даются в тексте).
- ¹³ "Отрывок из путешествия в италию Ж.Ж. Кульмана "Свидание с Байроном в Генуе", *Московский телеграф*, 1827, 103.
- ¹⁴ "Смерть лорда Байрона", *Московский телеграф*, 1825, 45.
- ¹⁵ М.П. Алексеев, *Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века)*, 466.
- ¹⁶ "Отрывок из путешествия в Италию Ж.Ж. Кульмана, "Свидание с Байроном в Генуе", *Московский телеграф*, 1827, 101–102.
- ¹⁷ В Кишиневе Пушкин знакомится с гречанкой Калипсо Полихрони, чья связь с Байроном превратилась в легенду. Пушкин верил этой легенде, считая Калипсо прототипом Лейлы в "Гяуре" Байрона. См. стихотворение Пушкина "Гречанке" (1822), а также письмо Вяземскому от 5 апреля 1823. О Калипсо, гречанке, знавшей Байрона, Пушкин упоминает и в 1830 году, что свидетельствует как о вере в легенду о прототипе Лейлы, так и о связи кишиневского периода жизни с Байроном.
- ¹⁸ В. Ходасевич, "Петербургские повести Пушкина", Вл. Ходасевич, *Статьи о русской поэзии*, Пб. 1922, 77.
- ¹⁹ М.Ю. Лермонтов, *Сочинения в шести томах*, т. 6, М.,–Л. 1957, 311.
- ²⁰ Вампиры в произведениях Ореста Сомова и А.К. Толстого никак не связаны с байроническим "Вампиром" Полидори. Генезис их – в фольклорной традиции, отсюда и название повести А.К. Толстого

"Упырь". Н.В.Измайлов, прослеживая литературную тему вампиризма, не замечает разницы между двумя разными традициями в изображении вампиров – фольклорной и литературной. Фольклорная традиция принадлежит исключительно русской литературе, в то время как литературная традиция восходит к Полидори, Байрону и байроническому герою. См. Н.В. Измайлов, "Тема 'вампиризма' в литературе первых десятилетий XIX века", *Сравнительное изучение литературы. Сборник к 80-летию академика М.П. Алексеева*, Л. 1976, 510–519.